

НОВАЯ ГАЗЕТА

ЛАБОРАТОРИЯ БУДУЩЕГО • ОБЩЕСТВО

Не очень страшная Россия

Чего ждать и чего не ждать от российской политики через
N лет. Мнение литератора Ивана Давыдова

14:46, 10 июля 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Иван Давыдов

литератор

Общее для многих ощущение в последние четыре года — ощущение исчезновения времени. Оно, конечно, идет, события случаются, и в мелкой личной жизни (разные), и в большой истории (страшные, как правило), но при этом все словно бы застыло, временная перспектива утрачена, категория «будущее» растворилась в посеревшем воздухе. Словно бы и нет его больше — никакого возможного будущего. Вообще никакого. Ни у кого.

Это, разумеется, неправда. Будущее будет. И даже уже есть — и мы, живущие теперь люди, и все, что вокруг происходит, — это зерна будущего. И у России как страны, и у России как государства будущее тоже, скорее всего, есть.

«Скорее всего» — не случайная оговорка, важно понимать, что варианты совсем невероятные теперь невероятными не выглядят. Вполне получается представить и такое будущее, где вместо привычных нам видов — ледяная постыдная пустыня, и бродит по этой пустыне лихой человек и зовет: «Подсвинки! Подсвинки! Куда ж вы все подевались!» И чешет третьей рукой вторую голову.

Но тут просто не о чем рассуждать, поэтому дальше рассмотрим гипотезу менее печальную (или более — тут всё, конечно, зависит от установок наблюдателя).

И еще одно замечание — в современной России, где почти не осталось независимых СМИ и достоверной социологии, а к рассуждениям политологов всерьез можно относиться, только когда они описывают события совсем уж локальные, опираться приходится на знания, полученные ранее, на интуицию, на

случайные беседы с людьми. Соответственно, всё, что будет сказано далее, — скорее околохудожественный очерк, и считать ли его хоть в чем-то достоверным — дело читателя.

Кто у власти

Итак, представим, что мы оказались внутри некоторого «после». События, определяющие историю России (да и не только России) сейчас, закончились. Очевидной катастрофы не произошло, страна не развалилась на части, ее не охватила война всех против всех. Режим сохранился и каким-то образом начинает меняться (тут снова нужна оговорка, причем очень и очень существенная, но ее прибережем для постскриптума). Кто же окажется у руля?

Не надо ждать кардинальной смены элит, явления новых людей — из катакомб или из окопов, или приглашение каких-нибудь варягов (допустим, ранее счастливо релоцировавшихся). Нет. У власти — в широком смысле — наследники.

Не только прямые потомки тех, кто выстроил здание путинского государства, но и те, кто неспешно делал карьеру в последние десятилетия, переходил из кабинета пониже в кабинет повыше, обрастал компетенциями и связями. «Люди второго дня», как говаривал один великий политолог, ныне, увы, покойный.

Фото: Агентство «Москва»

Первый день — начало новой какой-то зари, когда кажется, что ничего теперь непонятно и многое возможно, а вот второй — это как раз день, когда наследники из своих скромных кабинетов выходят и занимают кресла в кабинетах совсем уж высоких. Суется обслуга с отвертками, старые таблички с дверей кабинетов снимают, новые прикручивают... Праздник, весна, оттепель. Такие уж здесь оттепели, других не бывает.

Никаких оснований предполагать, что наследники власть кому-то отдадут, нет. Собственно, ее и некому отдавать. Иных политических групп с внятными претензиями на власть в нынешней России появиться просто не могло — так уж она устроена.

Чего от них ждать

Далее — предположение, которое в нынешней ситуации многим, наверное, покажется одновременно и нелепым, и

скандальным. Ждать от них — некоторых послаблений? Шага назад, к свободам? Или все-таки не назад, потому что это будут особенные, свои, новые свободы.

Репрессивная составляющая режима будет заметно ослаблена. Наиболее одиозные карательные законы или отменят, или просто прекратят о них вспоминать и применять их на практике.

Подданным вернут возможность общаться, высказываться и торговать в интернете нехитрыми своими поделками, отменив блокировку популярных платформ. Может быть, даже помилуют некоторое количество политзаключенных (именно помилуют, а не реабилитируют, — вообще не будет ни покаяния, ни признания ошибок, ни какого-нибудь там «развенчания культа личности»; будет только мягкий демонтаж наиболее проблемных конструкций ныне существующего режима при декларируемой преемственности курса). А может быть, и не помилуют, — для наследников это непринципиально: политзаключенных мало, сам факт их наличия для широких масс не раздражитель, группа поддержки, во-первых, незначительна, а во-вторых, существенная ее часть не только у режима «отцов» числится во врагах, но и для «наследников» останется врагами.

Далее — или параллельно — начнется ревизия партийной системы, в политическое поле аккуратно запустят новых игроков (хотя слово «загон» тут, пожалуй, все-таки более уместно). На парламентские выборы всех уровней вернется подобие интриги.

Машину пропаганды не разберут, конечно, до конца, но пайки

срежут, эфирное время тоже. Не исключено даже появление более или менее независимых СМИ, которым станут прощать некоторые шалости, ныне невообразимые.

Кроме того, у регионов появится больше полномочий. Речь, разумеется, не о «реальной федерализации», что бы эти слова ни значили, а лишь о некотором ослаблении чрезмерного контроля.

Зачем им это всё?

Ну если не мудрствовать особо, то вот: если у вас предметом престижного потребления становятся не швейцарские часы, а луховицкие огурцы, — это повод начинать бояться. Россия, которая достанется наследникам, будет состоять из огромного количества узлов напряжения, готовых разорваться. Им это не нужно. Им нужен свисток, чтобы выпустить пар. А лучше — сразу несколько свистков.

Избыточный репрессивный инструментарий — на самом деле не оружие в руках государства, а проблема для государства. Если идти до конца в исполнении принятых уже сейчас законов — надо не музей ГУЛАГа закрывать, а возрождать настоящий ГУЛАГ со многими миллионами заключенных. Что логистически проблемно, затратно, просто невыгодно, да еще и рискованно. Раздражение, недоумение, обидные вопросы возникают там, где их, казалось бы, и быть не должно (почитайте, что пишут многие верные государственники в мессенджере Telegram о перспективах запрета мессенджера Telegram, например).

И (условно) независимые СМИ, и некоторая реанимация для партийной системы, которая в состояние клинической смерти впала уже давно — такие же свистки.

А фундаментом для всего этого — новый образ России. Никто не будет отказываться от патриотической риторики, но патриоты-наследники, в отличие от патриотов-отцов, хотят, конечно, снова повернуться лицом к Западу.

Для этого требуются некоторые ритуальные действия. И не бедными родственниками, которых прощают, терпят где-то в темном углу и время от времени устраивают стыдные выволочки, они хотят вернуться, а — наконец-то — полноправными партнерами, которых уважают (то есть, согласно русской поговорке, боятся). Для этого хорошо бы иметь за спиной не только ядерные ракеты, но еще и относительно сытую страну. Относительно сытую и, безусловно, спокойную.

Фото: Агентство «Москва»

Я не говорю, что у них это получится, но я предполагаю, что они этого желают. Это — идеология России наследников, возможно, непроговоренная вслух, но определяющая их образ действий. И, кстати, это важно отметить, — речь не только о «наследниках-чиновниках», но и о «наследниках-спецслужбистах». Они любят в частных разговорах порассуждать про «этос служения», конечно, но они и не сумасшедшие, и не слепые.

И, между прочим, — к вопросу о направлениях эпохальных поворотов, — отлично понимают, что нынешняя любовь Китая к Российской Федерации — это любовь ценителя свинины по-сычуански к куску хорошего мяса. Это понимание тоже сыграет свою роль в определении политической конфигурации не очень страшной России будущего.

Хороший, конечно, вопрос — зачем это Западу? Что ж, когда страсти поутихнут (а они поутихнут), тамошние прагматики вспомнят, что лучше иметь в соседях предсказуемого и договороспособного партнера. Другой вариант уже отработан, едва ли он кому-то понравился, и выводы будут сделаны.

Кого пустят в эту игру?

О количестве политических партий в этой новой стране рассуждать сейчас бессмысленно, но вот о спектре погадать можно. Главная сила — центр с легким креном вправо, умеренные патриоты-государственники, грубо говоря, — что-то вроде нынешней «Единой России», если бы она вдруг сделалась настоящей политической партией. Новые левые (не в современном европейском смысле — просто здешние старые левые, православные-имперцы-сталинисты, любители царя-батюшки и т.п. — образование настолько нелепое и нежизнеспособное, что даже при весьма умеренной конкуренции дорога ему только в его же советский колумбарий). Новые левые от идеологом прежнего режима

унаследуют «справедливость» и вокруг этого пилона будут плясать. Сверхновые правые (потому что настоящих правых здесь не было вообще никогда) — либералы-государственники, аккуратно отстаивающие гражданские свободы, изобретая для их оправдания свежие аргументы. Ну, например, утверждающие, что разложившаяся Европа подлинные свободы предала, и только Россия хранит их, оставаясь последним оплотом западной цивилизации. Что их гражданские свободы, ими же и растоптанные, — это наши традиционные ценности. Это, а не матрешка и ксенофобия (хотя против матрешки лично я ничего не имею). Откровенно говоря, этот ход всегда был на поверхности, но режим отцов предпочел другие ходы.

В пределах такого коридора возможностей придется искать себя и остаткам недобитой оппозиции былых времен, и той части «новой элиты» (в терминах нынешней пропаганды), которая захочет и окажется способной идти в политику, и представителям бизнеса... Придется пожимать разные руки, находить компромиссы и терпеть людей, которых прежде ты считал «предателями». Или, например, «преступниками», если взглянуть с другой стороны.

Кого не пустят в эту игру?

Тут всё просто.

Ни на одном из флангов не допустят появления никаких радикалов. Это ведь модель управляемой демократии, и государство наследников оставит себе достаточное количество инструментов, чтобы с радикалами легко справляться.

Фото: Агентство «Москва»

Кстати, надо иметь в виду, что либералы старого типа, образца не только девяностых, но и нулевых, окажутся как раз в радикалах. И новым левым, и сверхновым правым придется искать новые слова, и дело тут не только в специфике режима, но и в специфике электората.

И, разумеется, не будет в новой российской политике тех, кто в наши печальные времена бороться решил не за изменения в России, а за уничтожение России как таковой. Выбор как выбор, дело личное, но вот просто не будет и все. Это стоит иметь в виду.

Ключевое слово

Есть такое слово у России наследников — «реванш». И речь не о ресентименте или об очень своеобразном ресентименте. Потому что реванш надо взять у отцов. Выиграть во все игры, в которых отцам не повезло. Разве старшие не хотели на Запад в качестве полноправных членов всех мыслимых элитных

клубов? Хотели, да не вышло. Разве не строили они управляемую демократию? Строили, но получилась диктатура, а это, как ни странно, не очень удобная для управления штука в наше время. Ну и так далее.

И все предположения о действиях наследников, сформулированные выше, в стратегию такого реванша как раз укладываются.

Конечно, нарисованная картина от идеальной далека. Но на самом деле ее ключевое отличие от нынешней ситуации в том, что у нового политического класса появятся какие-то, пусть для начала минимальные, возможности для утверждения собственной субъектности.

Уже сейчас мы видим, что самые рьяные любители начальства начинают вздыхать — оказывается, не очень хорошо, когда свободных СМИ нет, демократические процедуры только имитируются, а на общественное мнение любимое начальство плюет... Они по-прежнему считают предателями тех, кто то же самое твердил в последние двадцать лет, но это совершенно не важно. Речь ведь не о признании заслуг, не о раздаче орденов и почетных пенсий. Важно, чтобы это вот понимание сохранилось. Чтобы не только самые рьяные оппозиционеры готовы были строить институты гражданского общества и защищать их от государства.

Остальное приложится, когда-нибудь, если повезет.

- **Обещанный постскрипtum:** между событиями, которые сейчас определяют историю, и этим «после», — может быть довольно длительное время. И за это время гайки могут быть закручены совсем до предела, и человеческих судеб поломано изрядное количество. Будущее — не вовсе мрачное, но оно наступит не завтра.
- **И пост-постскрипtum:** намеренно ухожу от тяжелого

разговора об этической составляющей нынешних событий. Не потому, что я его боюсь, — просто предполагаю, что этические вопросы, которые нас сегодня волнуют, не будут в этой новой России особенно значимыми. Ключевым политическим навыком окажется навык легко забывать неприятное прошлое, общее и собственное. Это печально, но лучше и об этом тоже сказать прямо.

- ***И пост-пост-постскриптум:*** совсем уж странно, конечно, прозвучит заявление, что у России, Европы и США сейчас общие проблемы. Но на самом фундаментальном уровне это так: нам не повезло жить в эпоху кризиса национальных государств. Старый романтический концепт государства себя изжил, но цепляется за жизнь, пытается ломать непонятное будущее, и, надо признать, не без успеха пытается. Многие печальные события наших времен получится объяснить, если держать в голове такое соображение.